

УДК 73.03

Петров Игорь Николаевич

аспирант кафедры древней и средневековой
истории России Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
alfaperm999@pochta.ru

Igor N. Petrov

graduate student of chair of ancient and
medieval history of Russia
Perm state humanitarian and
pedagogical university
alfaperm999@pochta.ru

**ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБРАЗОВ ПРЕДМЕТОВ
ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТОВОГО ЛИТЬЯ**

**APPROACHES TO RESEARCH OF IMAGES OF SUBJECTS OF THE
PERM ANIMAL STYLE AT THE PRESENT STAGE OF STUDYING OF
CULT MOULDING**

Аннотация. В статье проанализированы образы «пермского звериного стиля», подходы к его изучению в исторической литературе. Рассмотрены вопросы, связанные с памятниками древнего искусства, в том числе изделиями культового литья, смыслом образов и изобразительных мотивов, заключенных в этом искусстве. Исследования в данном направлении особенно актуальны, в связи с появлением новых работ в данной области по археологии. В работе делается вывод о том, что в настоящее время получает большое развитие «прагматический» аспект интерпретации, при котором исследователь ставит своей главной целью определить значение культового литья в жизни древнего общества.

Ключевые слова: Пермский звериный стиль, историография, предметы культового литья, исследование прагматики образов.

Annotation. In article images of «the Perm animal style», approaches to its studying in historical literature are analysed. The questions connected with monuments of ancient art, including products of cult molding, sense of images and the graphic motives concluded in this art are considered. Researches in this direction are especially actual, in connection with emergence of new works in the field on archeology. In work the conclusion that the «pragmatical» aspect of

interpretation at which the researcher sets as the main goal gains now big development is drawn to define value of cult molding in life of ancient society.

Keywords: *Perm animal style, historiography, the subjects of religious casting, the research of pragmatical figures of subjects.*

На данном этапе общественного развития исследователи единогласно приходят к мнению об уникальности предметов «звериного стиля», что позволяет рассматривать его как отдельный феномен в культуре. Различия в изобразительных и технологических приемах изготовления различных групп предметов, а также в сюжетах настолько велики, что сейчас уже почти ни у кого не вызывает сомнения о существовании в уральском регионе нескольких самостоятельных направлений, в которых нашли свое отражение различные художественные традиции, оказавшие влияние на формирование культурно-образовательного пространства не только данного региона [5, с. 96-104; 6, с. 218-227; 7, с. 29-34; 8, с. 87-92]. В большей степени эти различия являются отражением культуры народов, населяющих данные территории. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что для каждого народа звериный стиль занимал свое место в культуре. В спорах и размышлениях о культурной принадлежности древнего искусства Прикамья появляется и сам термин «Пермский звериный стиль». Пытаясь определить место и значение «Звериного стиля» в жизни древних предков, ученые сформировали многообразие подходов к исследованию образов предметов культового литья, привлекая мифологический, иконографический, этнологический материалы. Оятева Е. И. замечает, что, поскольку проблема этнической принадлежности предметов культового литья Прикамья до сих пор остается неразрешимой, то и привлечение мифологических параллелей оказывается неоднозначным, результатом чего является следующая ситуация: «Работая довольно длительное время с одними и теми же источниками и ставя перед ними одни и те же вопросы, различные исследователи приходили и сейчас еще приходят к диаметрально противоположным выводам, по-разному интерпретируя одни и те же изображения». С другой стороны, замечает Игнатьева О. В., выдвигаемые гипотезы относительно иконографии и иконологии пермского звериного стиля нередко противоречат друг другу и не верифицируются относительно условий находок и их возможного использования.

Выводы ученых в части интерпретации образов «Пермского звериного стиля» порою были настолько противоположны, что в настоящее время становится актуальным вопрос о пересмотре методов и подходов к изучению этого культурного феномена, в основе которого лежит духовная культура [10, с. 13-19; 12, с. 213-218; 13, с. 6-12].

На наш взгляд, видится обоснованным искать причины полемики и разнообразия взглядов и выводов ученых в отношении одного предмета через историю изучения самого предмета. Далее, анализируя ошибки, допущенные учеными вследствие недостаточности источниковедческого материала, сформировать круг подходов и разработать методiku изучения культового литья Прикамья на современном этапе для решения целого ряда исследовательских задач.

Прежде всего отметим, что до сих пор остаются неразрешенными вопросы этнической идентичности [1, с. 396-408] принадлежности средневекового звериного стиля территории Восточной Европы, Западной Азии и непосредственно Прикамья. В частности, продолжается спор о принадлежности «Пермского звериного стиля» культурам финнов или угорских народов. Ряд исследователей придерживаются мнения, что «Пермский звериный стиль» является составной частью культурного наследия угров Урало-Сибирского регионов. Эта группа ученых (среди которых А.М. Белавин, Л. В. Чижова, Ф.А. Теплоухов) придерживаются мнения, что «Пермский звериный стиль» по сюжетам, назначению и технике исполнения вписывается в круг аналогичных звериных стилей угорского мира (Печорский, Обско-Сибирский) [3, с. 14 -24]. Технологическое единство (в качестве примера исследователи приводят использование деревянных шаблонов) указывает на единый, основанный на общем этностереотипе, подход к изготовлению культовых пластин у носителей Печерского, Пермского и Обского звериных стилей.

Показательными, на наш взгляд, являются следующие факты, позволяющие говорить об этнической принадлежности народов создателей «Пермского звериного стиля» к группе угорских:

1. Датировки использования плакеток звериного стиля на территории Прикамья и западе Азии и использование предметов, выполненных в художественном зверином стиле рассматриваемых территорий, совпадают. Расцвет «Пермского звериного стиля» (VIII-XII вв.) совпадает с расцветом Печерского (VI - IX вв., до X-XII вв. в святилищах).

2. Влияние вымской культуры на использование звериного стиля территории Прикамья и западной Азии. В X веке на территории республики Коми складывается вымская культура, носителями которой являлись пермские финны. Однако в этот же отрезок времени одновременно отмечаем прекращение использования Пермского звериного стиля, исчезновение Печорского звериного стиля, наличие изменений в образах Обского звериного стиля [3, с. 36-43]. Вместе с тем, в районах Приобья и восточного Зауралья использование предметов звериного стиля продолжалось вплоть до XVIII - XIX вв. Настоящий факт, с одной стороны, свидетельствует о принадлежности Пермского, Печерского и Обского стиля к единой этнической группе. С другой стороны, показывает нам исторический этап, в котором происходило сокращение ареала

расселения угорских племен в Приуралье по мере переселения сюда предков современных пермских финнов.

3. Белавин А. М. отмечает, что большинство исследователей приходят к мнению о наличии единой культурно-идеологической подосновы звериных стилей Западно-Сибирского, Печерского, Пермского. Истоки многих сюжетов, ставших впоследствии неотъемлемой частью угорских и урало-алтайских шаманистских представлений, можно видеть в сюжетах культовых поделок ананьинского звериного стиля, характерных для тех ананьинских памятников Волго-Камья, которые содержат керамику с веревочно-гребенчатой орнаментацией, ставшую генетической основой для угорской урало-сибирской посуды раннего средневековья [3, с. 14-24].

4. Можно отметить особенность изображения образа предметов звериного стиля. Большинство образов представляются стоящими на одном из животных подземного мира. Вполне обоснованно можно говорить о том, что для региона распространения «Пермского звериного стиля» характерно развитие металлургии, высокое качество отливки металла, и, как следствие, значимости в культуре подземной жизни горняков. Эти факторы оказали свое влияние на собирательный образ предметов пермского звериного стиля, который сложно представить себе результатом влияния скифской культуры.

5. Единая для Предуралья и Приобья техника изготовления культовых пластин и медальонов. Предметы изготавливались методом отливки, затем обрабатывались механически: обрубались литники, ножом (резцом) подрабатывались рельефные детали лицевой стороны, литейный шов заглаживался. Ряд серий отливок не проходили механическую обработку. Обратная поверхность, как правило, не заглаживалась. По исследованиям Минасяна, известно два способа изготовления предметов пермского звериного стиля. Одним из таких способов отливка производилась в глиняных формах, изготовленных по восковой модели. Другим способом предметы отливались в глиняных формах, изготовленных по оттиску деревянного шаблона. Такой способ, как правило, использовался для изготовления серийных изделий. Минасян делает вывод в исследовании о том, что внешняя поверхность деревянных шаблонов была окрашена или неоднократно смазывалась жертвенной кровью.

Неопределенность мнений по вопросу этнической принадлежности ряда «звериных стилей» до сих пор порождает споры и вызывает большой интерес к исследованию целого ряда образов «звериного стиля».

Отметим, что долгое время «Пермский звериный стиль» не являлся предметом научных исследований. По мнению О. В. Игнатевой, важную роль не только в привлечении интереса к древностям Прикамья, но и к находкам «Пермского звериного стиля» сыграли легендарные

представления о Биармии и Чуди. Археология в этом контексте рассматривалась как наука, которая сможет подтвердить или опровергнуть эти легендарные представления, а предметы пермского звериного стиля зачастую выступали для исследователей в качестве «чуждых» изображений или иллюстраций биармийских мифов. Семантика изображений в освещении различных авторов также обращает немалое внимание исследователя, а вместе с тем рождает многочисленные споры о функциональном использовании целого ряда образов и группы предметов.

Впервые термин «Пермский звериный стиль» появляется в работах А. В. Шмидта в 20-е гг. XX века. К недостаткам работ предыдущих исследователей культового литья автор относил то, что те, как правило, объединяли пермские и сибирские материалы, что, с его точки зрения, является неправильным, так как «пермские и западносибирские культуры» являются самостоятельными [16, с. 125-164].

Интерпретация памятников древнего искусства, в том числе изделий культового литья, в большинстве случаев в исторической литературе представляла собой поиск смысла образов и изобразительных мотивов, заключенных в этом искусстве. В археологии такой аспект интерпретации получил название «семантический» [2, с. 288].

Наряду с «семантическим» аспектом интерпретации культового литья получает свое развитие «прагматический» аспект интерпретации, при котором исследователь ставит своей главной целью определить значение культового литья в жизни древнего общества.

На путь изучения прагматики культового литья одним из первых вышел Ф. А. Теплоухов. В сжатом очерке религии угров Ф. А. Теплоухов пытался выделять те черты, которые могут иметь значение в решении вопроса о смысле культового литья. Решая обозначенную задачу, автор выделяет ряд из трех персонажей, каждый из которых Ф. А. Теплоухов сопоставляет с возможностью влияния на его появление местной и заимствованной культуры, связь персонажа с самим предметом, на котором он изображается, его возможностью быть ключевым в понимании смысла культового литья.

Ф. А. Теплоухов появление «ящера» в «Пермском зверином стиле» определял как символ олицетворения подземного мира.

Ряд исследователей рассматривали особенности ряда образов предметов как творчество отдельных центров, где художники и металлурги создавали свои произведения изобразительного искусства.

Сложность в разрешении поставленного вопроса перед исследователями играет фактор неопределенности этнографического материала, недостоверность мифологии, религиозности сознания [9, с. 14-19; 11, с. 15-19; 14, с. 94-95; 15, с. 31-34]. Из-за такой неопределенности этнографического материала, полагает Ф. А. Теплоухов, можно наметить только самые общие аналогии, лишь приблизительно указать на сходные

комплексы представлений, что Ф. А. Теплоухов и делает, избегая прямых отождествлений [2, с.288]. Впоследствии такой «принцип неопределенности» ляжет в основу многих работ по исследованию культового литья и станет универсальным в современной науке.

В ряде работ мы видим попытки авторов «семантический» аспект соединить с «прагматическим» аспектом, то есть сделать попытку определить значение культового литья в жизни древнего общества через его использование в ритуальной практике. Целью поиска при таком подходе является попытка реконструкции одного из ритуалов, лежащего в основе процесса изготовления и использования изделий культового литья [2, с. 288].

В дальнейшем исследования были направлены на поиски функционального назначения бронзовых фигурок. Этот ряд исследований, начатый Ф. А. Теплоуховым, можно продолжить таким именем, как Д. Н. Анучин.

Д. Н. Анучин считал, что изображения пермского звериного стиля имеют связь с религиозными верованиями и культом, подтверждая эту мысль следующими фактами: условностью подобных изображений; особенностью местонахождения изделий культового литья; использованием аналогичных предметов из металла, дерева у современных народов Сибири и других стран, где они продолжают играть существенную роль в религиозных культурах.

Появление птичьих изображений в целом ряде образов предметов «Пермского звериного стиля» Д. Н. Анучин предположил рассматривать как представление древнего населения о пернатых как «возвестителях воли богов».

Отдельное внимание исследователи уделяли группе плакеток. М. Г. Худяков впервые усмотрел на них ярусную картину мира.

Б. А. Рыбаков связывал пермские плакетки с мифами сибирских народов и признал эти композиции отражением представлений о трехъярусном устройстве мира. Верхний ярус, по мнению исследователя, занимают две «небесные лосихи», которые соприкасаются губами и образуют арку своими мордами. В среднем мире - животные, семья, путешествующий шаман, в головном уборе с головкой лосихи, в нижнем - ящер. Усматриваются также «Великая мать мира» (человеческая «личина» между «небесными лосихами») и «реки Вселенной» (расчлененная рамка плакетки) [4, с. 36-43].

Антропоморфные композиции с чертами лося на ящере из собрания «Пермского звериного стиля» В.А. Городцов предлагал рассматривать как персонажей божества или духов, среди которых - «великий охотник», сулде - отец, и сулде - мать, по мнению В. А. Городцова, «отражающие идею материнства». Предложенная В. А. Городцовым идея вполне реалистична, учитывая наличие целого ряда образцов предметов из этой

группы, в том числе и «отражающих идею семьи», где в состав персонажей образа включены дети. Отметим, что такие композиции выполнены «стоящими на ящере», а большинство из них имеют «навершия» в виде обращенных друг к другу головами лосей. Такие образы, как правило, обрамлены, что напоминает в завершенном варианте «портрет семьи». Вместе с тем, такая компоновка видится нам не случайной, поскольку все предметы этой группы выполнены в трехъярусной композиции и имеют единую структуру изображения образа. С одной стороны, единая технология изображения образов «семьи» в предметах «Пермского звериного стиля» свидетельствует о принадлежности этих предметов одной школе или течению, с другой стороны, говорит о существовании в древней семье определенной иерархии или системе ценностей, а также подчеркивает принадлежность этих групп предметов к определенному родовому строю.

Подводя итог многолетним исследованиям, касающимся пермского звериного стиля, Л. С. Грибова выделила закономерности, свойственные пермскому звериному стилю.

1. В металлическом литье Приуралья I тысячелетия н.э. преобладают изображения животных местной фауны.

2. Среди рассматриваемых изображений очень мало образов домашних животных. (Возможно, Грибова Л. С. говоря об образах домашних животных, имеет в виду коньковые подвески).

3. Плоские металлические бляшки с изображением сложных образов и композиций, составляющие преобладающую часть предметов пермского звериного стиля, обычно находят не в местах поселений и не в могильниках, а в виде отдельных кладов, реже в костыщах, что свидетельствует о мотивном характере этих образов, то есть они относятся к вещам обрядовым и отображают религиозные представления.

4. В основе сложных образов лежали представления о всеобщей естественной связи в природе, которые были свойственны человеку в период родового строя, когда он не выделял еще себя из окружающей его среды и переносил на нее социальную структуру своего общества.

Подводя итог выше приведенным рассуждениям, Л. С. Грибова относит пермский звериный стиль к явлениям местным, появившемся как отражение особой идеологии, возникшей на базе деления охотничье-рыболовецкого хозяйства.

В современной науке считается, что многие сюжеты звериного стиля являются отражением культа предков, культа плодородия, принадлежностью обрядов охотничьей и производственной магии.

Сложностью в изучении «Пермского звериного стиля» можно отметить тот факт, что потеряна связь между поколениями, которая некогда выражалась в передаче знаний, умений и навыков. Потому мы не

знаем действительных особенностей поведения, умений и навыков наших предков, их подлинной духовной культуры.

Следовательно, для восстановления мифологического содержания культа значение будут иметь сами атрибуты культа, то есть изучаемый предмет. Вместе с тем, культовый атрибут является наиболее устойчивым стрержнем обряда как неизменного выражения религиозно-мифологических представлений, потому дает наиболее справедливые знания об обряде и его мифологическом наполнении, отражает глубину памяти народа. Предметы металлической пластики, благодаря устойчивости ко времени, способны сохранять свое центральное место в обрядовых системах на протяжении столетий, что одновременно поднимает священный статус предмета.

Выделение для самостоятельного изучения группы предметов «Пермского звериного стиля», а одновременно и появление в исторической литературе периодизации формирования самих изображений данной группы, некоторым образом соответствует истории серебра на Урале. Бауло А. В. отмечает: «История восточного серебра на Урале и в Нижнем Приобье насчитывает более одной тысячи лет. С VI - VII вв. в Верхнее Прикамье стали проникать среднеазиатские купцы, которые вывозили с Севера моржовые клыки, ловчих птиц и меха. Через Прикамье на рубеже VII - VIII вв. в торговые связи с югом стало втягиваться и Приобье. Западное направление связей в это время было единственно возможным для Зауралья: на юге, в степях, сложилась беспокойная обстановка, одна кочевая империя сменяла другую. На Западе же действовал торговый путь по Волге. Через ответвление этого пути по Каме в Прикамье за Урал проникало основное количество восточного серебра. По мнению В.П. Даркевича, большая часть серебряных изделий попала на Урал не ранее IX в. Не случайно именно в зауральской группе предметы пермского звериного стиля выступают как украшение и принадлежности костюма». В предметах отражается, с одной стороны, богатство территории в связи с развитой торговлей, с другой - сохраняется местный культовый характер. Также вполне логично можно сделать вывод о том, что, в связи с развитой торговлей западной территории, а также проникновением на территорию Урала и Западной Сибири новых народов, требовалась повышенное внимание к одновременной охране, что влечет появление стиля на оружии. В восточной же половине прослеживается продолжение исполнения ярко выраженных трехъярусных композиций.

Ввиду особой ценности и «священности» белого металла серебряные изделия чаще всего попадали на сибирские языческие святилища, где продолжали свою жизнь в качестве ритуальных атрибутов. С исчезновением или разрушением культовых мест серебро уходило под землю, откуда спустя сотни лет вторично появлялось на свет в составе «кладов». Одна часть найденных изделий культового литья стала частью

музейных или частных собраний, другая часть - пропала вторично, и до нас дошли лишь немногочисленные описания или рассказы.

Сегодня большинство исследователей, среди которых и Бауло А. В., отмечают следующее обстоятельство: «К XII – XIII вв. наблюдается повсеместное угасание искусства пермского звериного стиля. Сначала в Прикамье, а потом и в Западной Сибири все большую роль начинают играть привозные изделия из серебра. Место художественных изделий из бронзы занимают упрощенные поделки массового изготовления. Образный строй пермского звериного стиля сохраняется в фольклоре, а его символика - в богатом орнаменте вышивок и поделок из кожи, браслетов коми, удмуртов, манси и ханты». Другим фактором, сказавшимся на угасании пермского звериного стиля, явилась христианизация Руси. Вместе с христианизацией Пермского края языческим мифологическим представлениям не нашлось места в культуре, что сказалось и на угасании металлического литья. Изобразительные мотивы нашли свое место в деревянной скульптуре, зодчестве, прикладных видах искусства.

Взаимодействие региона с востоком и западом одновременно, наличие развитого торгового взаимоотношения, взаимообмен культур народов и, стало быть, широкий кругозор местного населения сказались на том, что в образах на бронзовых бляшках рассматриваемого региона в итоге можем видеть воспроизведение вселенной, смену времен года, движение солнца среди созвездий. С другой стороны, изображение подземного мира человека, мира на земле и в небе, его прошлое, настоящее и будущее, и почти везде на бляшках собирательный образ человека в центре. В ряде предметов образ человека размышляющий, где-то динамичный, стремительный, шагающий, летящий, бесконечное число раз умирающий, гибнущий и снова возрождающийся к жизни, словно повторяющий историю своего региона. И всегда этот образ подчеркивает свое нерасторжимое единство с окружающей его жизнью. Не случайно образ пермского звериного стиля собирательный. Это не есть изображение непонятных животных, а, наоборот, это образ, отражающий и подчеркивающий местный характер культуры, сложившийся в сложном и долгом взаимоотношении культуры местных народов с культурами народов Запада и востока.

Таким образом, можно предположить, что предметы пермского звериного стиля, с одной стороны, представляли собой ритуальное, либо охранительное предназначение в том числе с использованием изображения самого духа, с другой - отображали богатый внутренний мир человека - создателя предмета. В том числе, являясь отражением культуры, быта, истории народа, зеркалом его мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // *Вопросы социальной теории*. - 2010. - Т. 4. - С. 396-408.
2. Балакин Ю. В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. - Новосибирск: Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1998. - С. 288.
3. Белавин А. М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. - Вып. 1-2. - Пермь, 2001. - С. 14 - 24.
4. Буров Г. М. О назначении бронзовых культовых плакеток пермского стиля // *Культура народов Причерноморья*. - 1998. - №4. - С. 36-43.
5. Говердовская Е. В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе // *Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. - 2008. - № 57. - С. 96-104.
6. Говердовская Е. В. Культурно-образовательное пространство Северного Кавказа: ориентиры, проблемы, решения // *Гуманитарные и социальные науки*. - 2011. - № 6. - С. 218-227.
7. Говердовская Е. В. Направления обновления высшего профессионального образования в поликультурном пространстве Северного Кавказа // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. - 2008. - № 1. - С. 29-34.
8. Говердовская Е. В. Профессиональное образование как средство социализации молодежи и нейтрализации негативных социальных явлений в регионе Северного Кавказа // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. - 2007. - № 11. С. 87-92.
9. Гончаров В. Н. Религия в системе современной культуры // *European Social Science Journal*. - 2014. - Т. 1. - №1. - С. 14-19.
10. Гончаров В. Н. Социально-философский анализ категорий духовности и нравственности в системе развития российского общества // *Общественные науки*. - 2011. - № 4. - С. 13-19.
11. Ерохин А. М. Культурологический аспект формирования религиозного сознания // *European Social Science Journal*. - 2013. - № 11-1(38). - С. 15-19.
12. Колосова О. Ю. О роли духовности в современном обществе // *Система ценностей современного общества*. - 2010. - № 10-2. - С. 213-218.
13. Колосова О. Ю. Духовная сфера: универсализм и самобытность // *European Social Science Journal*. - 2012. - № 11-2 (27). - С. 6-12.
14. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. - 2010. - № 3. - С. 94-95.
15. Шефф Г. А., Камалова О. Н. Некоторые аспекты проблемы гносеологического статуса религии в русской религиозной философии: С.

Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2013. - № 4. - С. 31-34.

16. Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. - Выпуск VI. - Л., 1927. - С. 125-164.

LITERATURE

1 . Baklanov I. S., Dushina T. V., Mikeeva O. A. Chelovek ethnic: problem of ethnic identity//Questions of the social theory. - 2010 . - Т. 4 . - Page 396-408.

2 . Balakin Yu. V. Uralo-sibirsky cult molding in the myth and ritual. - Novosibirsk: Science. Sib. Russian Academy of Sciences enterprise, 1998. - Page 288.

3 . Belavin A. M. About an ethnic origin of the Perm medieval animal style//Works of Kamsky arkheologo-ethnographic expedition. - Vyp. 1-2 . - Perm, 2001. - Page 14 - 24.

4 . G. M. O drills purpose of bronze cult plaquettes of the Perm style//Culture of the people of Black Sea Coast. - 1998 . - No. 4. - Page 36-43.

5 . Goverdovskaya E. V. To a problem of modernization of higher education in North Caucasus region//News of the Russian state pedagogical university of A. I. Herzen. - 2008 . - No. 57. - Page 96-104.

6 . Goverdovskaya E. V. Cultural and educational space of the North Caucasus: reference points, problems, decisions//Humanitarian and social sciences. - 2011 . - No. 6. - Page 218-227.

7 . Goverdovskaya E. V. The directions of updating of higher education in polycultural space of the North Caucasus//Scientific notes of university of P.F. Lesgaft. - 2008 . - No. 1. - Page 29-34.

8 . Goverdovskaya E. V. Professional education as means of socialization of youth and neutralization of the negative social phenomena in the region of the North Caucasus//the Messenger of the Baltic federal university of I. Kant. - 2007 . - No. 11. Page 87-92.

9 . Potters V. N. Religiya in system of modern culture//European Social Science Journal. - 2014 . - Т. 1 . - No. 1. - Page 14-19.

10 . Potters V. N. Sotsialno-filosofsky the analysis of categories of spirituality and moral in system of development of the Russian society//Social sciences. - 2011 . - No. 4. - Page 13-19.

11 . Yerokhin A. M. Kulturologichesky aspect of formation of religious consciousness//European Social Science Journal. - 2013 . - No. 11-1(38). - Page 15-19.

12 . Kolosova O. Yu. About a spirituality role in modern society//System of values of modern society. - 2010 . - No. 10-2. - Page 213-218.

13 . Kolosova O. Yu. Spiritual sphere: universalizm and originality//European Social Science Journal. - 2012 . - No. 11-2 (27). - Page 6-12.

14 . Nesmeyanov E. E. *Problema of teaching of religious studies and spiritual and moral culture in the polyconfessional region//Humanitarian and social and economic sciences.* - 2010 . - No. 3. - Page 94-95.

15 . Scheff G. A. Kamalova O. N. *Some aspects of a problem of the gnoseological status of religion in the Russian religious philosophy: S. N. Bulgakov, P. A. Florensky, S. L. Frank//Humanitarian and social and economic sciences.* - 2013 . - No. 4. - Page 31-34.

16 . Shmidt A. V. *To a question of an origin of the Perm animal style//Collection MAHE.* - Release of VI. - L. 1927. - Page 125-164.

..